

Бела Риго

ЗНАКИ
ЗОДИАКА

Бела Риго

ЗНАКИ ЗОДИАКА

Сборник стихотворений

*Переводы с венгерского
В. Лунина и С. Телюка*

Москва
Интерконтакт-фонд
РИФ «РОЙ»
2002

Иллюстрации Ирины Телюк

*Подстрочные переводы выполнены Т. Воронкиной
в Доме Липтака в Балатонфюреде*

Составитель С. Телюк

© В.В. Лунин, С.Ю. Телюк,
переводы с венгерского, 2002 г.
© И.В. Телюк, иллюстрации, 2002 г.

ВЕНГЕРСКИЙ ПОЭТ ОБРАЩАЕТСЯ В БУДУЩЕЕ

С венгерским писателем и переводчиком Белой Риго я познакомился в России два года назад во время молодежного фестиваля, проходившего в Вятке. Высоченного роста (из рода Риго парней обычно брали в Королевскую гвардию), добродушный, чем-то похожий на Винни-Пуха, прекрасно владеющий русским языком венгр захотел продлить знакомство. Не так давно в Будапеште мы встретились вновь.

Странный город Будапешт! И очень красивый. Странен он тем, что состоит как бы из двух половин – Буды и Пешта. Пешт лежит на равнине. В нем много промышленных предприятий, по его улицам громяют трамваи, под землей прорыто метро, очень, кстати, за исключением размеров, похожее на московское. В Пеште дешевле стоит жилье. Однако все жители венгерской столицы, поселившиеся в Пеште, мечтают о квартире в Буде. А еще лучше – об отдельном доме. Буда раскинулся на горе. В Буде воздух звенит, как богемский хрусталь. С живописных склонов Буды открывается фантастический вид на Дунай. Венгры с грустью рассказывали нам, что Дунай нынешний сильно загрязнен. Особенно пострадал древний Дунай во время казни соседней Сербии, когда натовские снаряды (с обедненным ураном в том числе), словно ржавые гвозди, с одобрения всей Европы вколачивались в распятое тело непокорной страны. В Венгрии совсем зачах тогда туристический бизнес. По реке перестали ходить корабли. Зато в небо все чаще стали взлетать с военных аэродромов натовские бомбардировщики. Дорого пришлось заплатить Венгрии за вступление в Северо-Атлантический союз! Каждый день войны обходился стране в 250 млн. долларов.

В Буде на отвесной скале, прямо над зеленоватым Дунаем, стоит памятник погибшим в Великую Отечественную солдатам. Величественная Родина-мать... Когда-то грандиозный монумент дополняли застывшие в камне фигуры советских солдат. Но благодарные люди решили, что Родина-мать спасла Венгрию сама. Бог им судья. Но отчего-то навязчиво звучали в памяти слова из великой песни: «А на груди его светилась медаль за город Будапешт».

Слегка утомленные прогулкой по благоухающим каштанами и акацией гулким переулкам Будапешта, знаменитому Королевскому замку, в сопровождении Белы Риго и его дочери Юдит мы забрели в уютный ресторанчик «Охотник». Над нами, в прокинутой лодке, среди развешенных шкур, старинных мушкетер и ветхих неводов вниз головой повис венгерский рыболов с удочкой в руках. Бела признался, что однажды его приятельница, писательница из Англии, запивая вином острую венгерскую уху в этом ресторане, подняла глаза... При виде перевернутого бравого парня из папье-маше ей сделалось плохо – закружилась голова. Признаюсь честно, со мной этого не произошло. Видимо, оттого, что мы выпили мало – по кружке пива, да и ту я позволил себе лишь в конце нашего разговора.

– Бела, в сборнике политических афоризмов ваш род занятий указан как «писатель-сказочник». А сами кем вы себя считаете?

– Прозаиком, поэтом, драматургом, сценаристом, литературоведом, публицистом, редактором. И еще педагогом. В этом качестве я подвизался во многих учебных заведениях: от начальной школы и до университета. В общей сложности мое творчество подобно облику городов Большой Венгерской низменности, в одном из которых я вырос: распространено вширь, а высотой – в один этаж.

В наше время любому литератору, желающему удержаться на поверхности, необходимо превратиться в многостаночника. Писатель, работающий в одном жанре, рано или поздно оказывается без работы.

– Вы – главный редактор детского журнала «Кладискатель». Сколько лет вашему изданию?

– Двадцать шестой год. Этим можно было бы и гордиться, если бы не печальный факт, что (за исключением журналов, посвященных естественнонаучным увлечениям)

«Кладоискатель» — единственный детский журнал в Венгрии из всей печатной продукции, переживший смену режима. И, разумеется, нынешний спрос составляет всего лишь одну десятую прежнего тиража.

— **Каким же образом вам удалось то, в чем потерпели крах редакторы других журналов?**

— Мне хорошо известна история Гулливера. Поэтому у меня и в мыслях не было садиться на уменьшавшийся до карликовых размеров флагманский корабль. Вместо этого я барахтаюсь в воде — иной раз, плывя против течения, — и тяну за собой свой игрушечный кораблик.

— **Что это значит?**

— Я не ставлю своей задачей зарабатывать на жизнь, издавая этот журнал. Довольствуюсь символической платой, чтобы сохранить трудовой стаж. Я бесплатно пишу и редактирую публикуемые материалы, задаром веду переписку и телефонные переговоры. Благодаря разносторонности моих занятий, я и сегодня могу прожить за счет литературного труда. Более десяти лет назад я сочинил текст для двух тринадцатисерийных мультфильмов под названием «Тромби и Огненный Гномик». Тромби — это слоненок, помощник Шланга, начальника пожарной команды, состоящей из «анимированных» противопожарных средств: Жирафа, длинная шея которого подобна лестнице, Шимпанзе, способной взобраться куда угодно, и тому подобных. Все они сражаются с Огненным Гномиком, который, по моему замыслу, не плохой и не хороший. Угостишь его одной спичкой — он уснет. Простынется он долго и как бы нехотя. Зато, проголодавшись, съедает спичку и просит добавки; если не уследишь за ним, мигом все вокруг проглотит. Другое мое широко известное произведение — «Поющая азбука». Оно стало по-настоящему популярным, когда один из телевизионных каналов снял по нему длиннющий и не удачный видеоклип из тридцати одной десятиминутной серии. В свое время книга разошлась тиражом 100 тысяч экземпляров, но эффект был несравненно меньшим. Работа писателя гарантирована в том случае, если он хоть каким-то образом может подключиться к процессу школьного обучения. Писание учебников окупается, да и издатели всевозможных учебных пособий на убытки не жалуются. Многие мне предлагали превратить «Кладоискатель» в этакий сборник экзаменационных задач и ответов. Но я на это не пошел...

— **Сколько ваших книг издано в Венгрии?**

— Сколько книг? Думаю, пятьдесят.

— **А каков их тираж?**

— «Поющая Азбука» — 100 тысяч экземпляров, «Школа фей» переиздавалась дважды, тиражом соответственно 40 и 30 тысяч. Но самая популярная из моих книг в Венгрии — «Тромби и Огненный Гномик»: 390 тысяч — рекорд для Венгрии. Может быть, секрет моей известности в том, что я никогда не пытался насиловать читателя.

— **В детстве я смотрел ваш мультфильм о Тромби. Но, кажется, главным героем мои сверстники для себя избрали Шланга. У нас даже появились такие выражения после него, как «шлангуешь», т.е. отлыниваешь, «прикинулся шлангом»... Бела, расскажите о вашей семье.**

— Моя единственная дочь Юдит работает в научной библиотеке Университета. Супруга Агнеш Рамхани заведует литературной частью оперного театра. Ее отец был знаменитым венгерским писателем. Два моих деда — пасторы-кальвинисты. Если кальвинист, считают у нас, — значит, все предки были венграми. Если лютеранин, значит — словак. Оба деда были талантливыми людьми, хотя и выросли в крестьянских семьях.

— **Откуда у вас такая любовь к русской литературе?**

— Русский язык я изучал в школе. Прежде всего, ценю русскую поэзию Серебряного века: Маяковского, Пастернака, Брюсова, Бальмонта, Есенина. Всегда любил Пушкина и Лермонтова... Однажды в Москве, еще до распада Союза, ко мне во время какого-то торжества, улыбаясь, подошел советский космонавт и спросил: «Вы, венгерский поэт, знаете ли какого цвета Земля из космоса?» Я, недолго думая, процитировал лермонтовс-

кие строки: «В небесах торжественно и чудно, / Спит земля в мерцанье голубом...» Космонавт, задумавшись, удивленно проговорил: «Да, это так, «в сиянье голубом...» Но откуда, откуда этот мальчишка в свои 26 лет мог знать об этом?»

— **Вы переводили на венгерский Маяковского, Пастернака, Михалкова, Окуджаву. Именно благодаря вам в Венгрии была издана первая книга известного в России Тимура Зулфикарова...**

— Тимура Зулфикарова, автора «Детства Мушфики», «Смерти Иоанна Грозного» я оценил мгновенно, прочитав в «Дружбе народов», считаю, его лучшее произведение — «Первая любовь Ходжи Насреддина».

— **Что главное для переводчика?**

— Самое ценное в переводе — переживание. Красивая женщина — неверная. Верная — некрасивая... Если переводчик понимает суть оригинала, переводчик может все... Прозу переводить легче, так как в стихе есть музыка слова. Прозу мы отливаем из бронзы. Стихотворение вытачивается как бы из дерева, материала более тонкого и одухотворенного.

— **Кто, кроме вас, в Венгрии сегодня переводит русскую поэзию?**

— Сегодня такие переводы редки. Боко — великий венгерский поэт переводил классическую русскую поэзию XIX века, а также поэтов-символистов. Он написал цикл стихотворений под псевдонимом Степан Пехотный. Я очень люблю Есенина, но ни разу его не переводил. Есенина до меня прекрасно переложила на венгерский Жужа Раб.

— **Недавно в «Иностранной литературе» вы признались, что Россия для Венгрии до 1956 года была любимым врагом, а с 1956 года — самым ненавистным другом...**

— Период охлаждения отношения к России, думаю, прошел. Венгрия сполна заплатила за свое участие в югославском конфликте. И сейчас люди, которые кричали о своей ненависти к России в начале 90-х годов, часто спрашивают меня: есть ли что-нибудь новенького почитать из современной русской литературы? Если нынче кто в Венгрии не знает, к примеру, Астафьева, его считают необразованным.

— **В январе 2000 года вы посетили Россию после десятилетнего перерыва. Сильно изменилась страна?**

— Да. Люди стоят перед роскошными витринами... Но я чувствую, что раньше им, хотя они и не видели таких богатств, жилось легче. Когда я приезжал в Москву десять лет назад, меня встречала в Шереметьево машина от Союза писателей. Раньше в России уважали писателя, художника. Я вспоминаю случай, произошедший со мной в гостинице «Пекин» в конце 70-х годов.

Администратор не хотела пропускать меня с девушкой в гостиничный номер. В этот момент строгому гостиничному начальнику приносят записку, адресованную мне Сергею Михалковым, с просьбой спуститься вниз и встретить Сергея Образцова... С тех пор администратор, увидев меня, всегда вытягивалась в струнку.

— **Вы были знакомы с Сергеем Образцовым?**

— Я помню его слова: «Новые господа могут жить без культуры... Я решил заниматься куклами, это не так вредно». Вспоминаю, как Образцов радовался моему подарку — аппетитной венгерской салями. Он играл с колбасой, словно с куклой, а затем, аккуратно поработав ножиком, сотворил из нее что-то вроде гирлянды. «Жена обрадуется... Подарю ей вместо букета», — сказал он. И мне стало страшно. Человек с мировым именем рад куску колбасы! Ущербный тип экономики сделал из дефицита кумир...

— **Какой вы видите свою роль в нынешней жизни? С кем бы вы могли себя сравнить?**

— О, сравнения напрашиваются самые разные. Скажем, я — жрец, поэт (или кто-то в этом роде) затонувшей Атлантиды и отправляю в будущее свои послания в бутылках: вдруг кто-нибудь выловит и прочтет...

**Беседу вел Александр Ананичев
Будапешт — Москва**

ГОРОДСКАЯ СКАЗКА

Ушли бульдозеры. Настала тишина.
Дома вернулись, крадучись, обратно.
Дрожит во тьме от холода луна.

— Где улицы, где площадь хоть одна?

— Им, зябнущим, все стало непонятно...

— Дом угловой, я рада видеть вас.

Ваша труба изящна, как и прежде!

— И вы, о виллушка, прекрасны в этот час

В плюще седом, в изысканной одежде!

Не прячьте же за ставенками глаз!

— Ах, перестаньте! Я стара, больна...

— Не может быть! И сотни лет не дашь вам.

— А два пожара, а еще война...

Мой муж тогда в бомбежке пал, бедняжка.

Там до сих пор пустырь, и тень видна...

Ушли бульдозеры. Настала тишина.

Дома обратно, крадучись, вернулись.

Дрожит во тьме от холода луна.

— Где улицы, где площадь хоть одна?

— Всё спорят, словно только что проснулись...

— А я стоял вблизи той церкви старой...
— Нам говорить о церкви не пристало:
Она-то в люди выбилась и даже
Архитектурным памятником стала!

Смотри, деревья в белых лепестках
Рыдают горько: их назавтра срубят.
Дрожат домов испуганные очи —
Колодцы: их камнями забросают.

Земля вздыхает тяжело: зальют
Ее бетоном и забудут вскоре...

Как хорошо, что не увидим это!..
Ушли бульдозеры. Настала тишина.
Дома вернулись, но уйдут до света.
Дрожит во тьме от холода луна.
— Где улицы, где площадь хоть одна?
Молчание, и нет ответа.

РЕЧЬ ЗНАКОВ ПРЕПИНАНИЯ

Verda volant...

Ты знаком вопросительным была.
— Откуда ты и чей? — все вопрошала.
Выманивала не слова — дела,
Пока твоя эпоха не настала.

Стоял надменен предо мной в тот час
Ты, восклицательный, как кий, прямой.
А я молила, словно впав в экстаз:
— Люби меня! Возьми меня! Ты — мой!

И вот, в одной мы фразе, где кавычки
И запятые гнали нашу кровь.

Такое чудо — наши переклички —
Губили душу, рушили любовь.

Средь близких слов, но дали не измерить.
Ты стала цепью, чёрточкой, мостом.
Не я, не ты, а мы... Чтоб мог поверить:
Слова нас не разделят и потом.

Пришла усталость. Новое в судьбе:
Немым тире вдруг стали наши узы.
— Мне ли уйти иль дать уйти тебе? —
Уже горю. Сгораю от обузы.

Я в скобках. Временно, как ты сказала.
(Казалось, ты раскроешь их... Но нет!)
Сама ж кавычками внезапно стала,
Кошачьи когти их дерут меня во сне...

Уже ведем к концу мы нашу строчку.
Нет радости ни сердцу, ни уму.
Что ж, видимо, пора поставить точку
После тебя. Финал. Быть по сему!

Две точки — слишком много... Три зовут
Игру продолжить... Место есть надежде,
Коли и ты поставишь точку тут:
Смысл двоеточья — ты со мной как прежде.

Но кончились слова. Кувшин разбился.
Мы — черепки. Лишь капелька блестит
Последняя. И все... Наш стих не сбылся,
И знаков препинанья не найти...

ЗНАКИ ЗОДИАКА

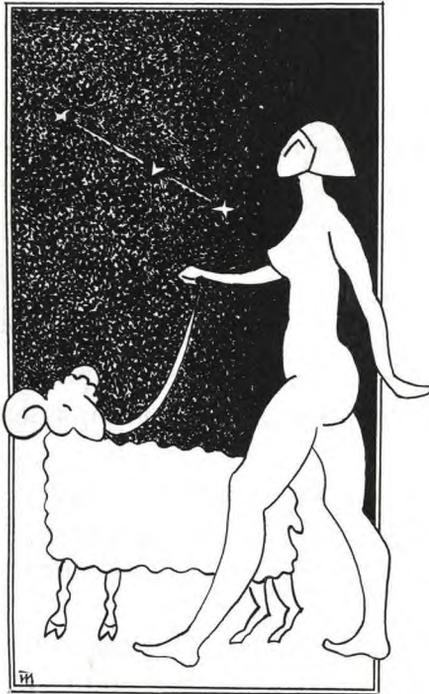
1. Овен

Овен? Вон в поисках своей овцы
он мечется, бросаясь на преграды:
нет для него ни в ком другом отрады.
М-да, весь в отца... (Тут правы мудрецы.)

В его роду знатнейшие бойцы
упрямой и напористой плеяды,
не ждавшие удачные расклады, —
все как один красавцы-удальцы.

Что до любви к единственной своей,
так ясно и понятно без затей —
он в данном деле ангелу подобен,

по крайней мере честен и не злобен,
не ловелас и не прелюбодей...
Но грубоват — и этим неудобен.

2. Телец

Известно всем: ты — не телок, ты — бык.
И спорить с этим, безусловно, тщетно:
достоинство издалека заметно —
оно как у красноармейца штык.

(Однако что за прелесть наш язык!)
И рядом, и вдали — коров несметно,
и поведение твое конкретно:
ты, властолюбец, покорять привык.

Когда же на арене ты один,
среди жаждущих корриды образин,
и видишь пред собой тореадора —

уверен ты, предчувствуя сраженье:
коровки, коль потерпишь поражение,
не позабудут твоего задора.

3. Близнецы

Близнец — не целое, а только половинка:
быть просто частью предназначено ему —
без *alter ego* он как будто ни к чему,
ну, что-то вроде одинокого ботинка.

И нету разницы шоссе или тропинка
ждет за порогом, дополняя свет ли, тьму, —
бросая вызов, лишь, заметьте, одному..
Ведь всем понятно — здесь не выйдет поединка.

Сойдутся вместе Близнецы — расклад иной:
они уверенны, нахальны, симпатичны;
они готовы к испытаниям различным —

не важно стужа ожидает или зной —
глаза горят и вдаль уводит их дорога...
Но то, что двое их — пардон — одна морока.

4. Рак

В твоём семействе, Рак, провидцы не рождаются,
и ты брюзжишь о настоящем неспроста:
жить только прожитым — фамильная черта,
и тут не надо перед нами притворяться.

Ты не философ — ни к чему тебе кривляться —
ты и не станешь им, поверь мне, никогда,
а если в этом я не прав — тогда беда,
ведь кто-то будет твоим бредням доверяться.

Но аксиома есть, что вспять не повернуть:
не хочешь — все равно судьба укажет путь...
И с этим в целом, как известно, ты согласен,

и вот поэтому пример твой здесь прекрасен:
будь за прогресс ты или, скажем, — ретроградом,
и все ж, когда ты Рак, то лучше пяться задом.

5. Лев

Лев — царь и бог, владыка до кончиков когтей —
извечный победитель, привычный лишь к успехам
(не знающий пощады к растяпам, к неумехам),
как мил он, отдыхая от всяческих страстей!

В вылизыванье гривы искусник, чудодей —
он знает смысл ухода за шелковистым мехом,
хотя обычай этот сродни иным утехам,
он кажется счастливым, но все не так ей-ей.

Он обитает в клетке, а не среди саванн:
величественность, значит, скорее, блеф, обман,
скрывающий за позой душевный непокой.

Да, можно рассердиться и огласить округу
воинственным рычаньем, но для чего — на кой! —
чтоб позабавить публику и напугать обслугу...

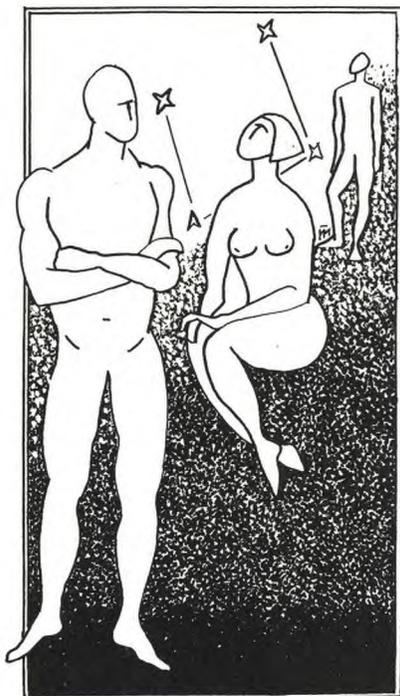
6. Дева

Кто долго перед Девой устоит?
Походка, статность — мелочь все, детали:
забудете в момент, о чем мечтали, —
она и без того обворожит.

Лишь даже незначительный флюид
дойдет до Вас — воскликнете: «Видали?!»
Поймете: от любви Вы не страдали —
Вы так, самовлюбленный индивид.

И ощутите вдруг себя желанным,
и это не покажется Вам странным.
На всякий случай (можно тет-а-тет?):

не обольщайтесь — вот Вам мой совет.
По части чувства, в Деве нет изъяна,
но — черт возьми! — она непостоянна.

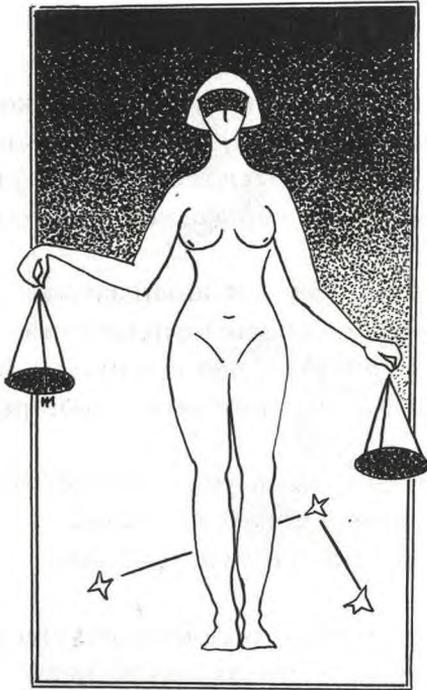
7. Весы

Весы, по сути, взвешивать должны —
и эта мысль, конечно, тривиальна:
способность их к анализу похвальна,
и потому они для нас важны.

К примеру, захотелось ветчины,
немного, скажем, двести грамм буквально —
тут стрелка, подрожавши изначально,
укажет вес... И Вы — не голодны.

Бывает, правда, всякое, друзья, —
ведь полностью им доверять нельзя —
ну, как они внезапно станут врать?

На этот случай — нечего пенять:
мухлеж для каждого из нас обиден —
не жди, когда он станет очевиден!

8. Скорпион

Блюсти во тьме порядок ты должен, Скорпион, —
ночь или день для жизни, конечно, символично:
кто утверждать возьмется и огласит публично,
что здесь главней, поверьте, тот просто пустозвон —

у тайны мирозданья неписанный закон.
И если только это тебе не безразлично,
тогда предназначенье известно преотлично:
ты обладаешь жалом, и жалить — твой резон...

Лишь сон дневной подступит, способствуя забвенью,
и вот уже ночные волнения прошли,
растаяли неспешно в неведомой дали.

Но пробужденье будет подобно откровенью —
не так все и не этак (никак не угодишь).
И снова отчужденье... Ты спишь или не спишь?

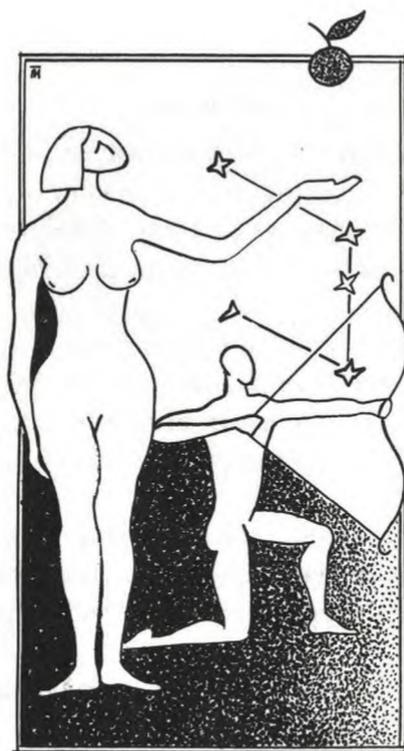
9. Стрелец

Тебя не перепутать с юным Купидоном,
и дело тут совсем не в возрасте твоём,
ведь ты охотник хладнокровный, и причём
считаешь бытие охотничьим сезоном.

Ты неизменно в ожиданье напряжённом,
и, этой сущности отдавшись целиком,
ты знаешь обо всем творящемся кругом:
вблизи иль где-нибудь в селенье отдалённом.

Но, если на тебя вниманье обратить,
то можно, запросто сойдясь, поговорить —
ты к отношениям такого рода чуток —

побалагурить любишь: знаешь много шуток.
Хотя, будь бдительней, расстанитесь едва —
в руке твоей опять тугая тетива.

10. Козерог

Конечно, все равно: что козлик, что козлина —
ты похотью своей известен, Козерог,
ты «супер» — ни к чему осмысливать предлог,
в любом обличье ты, по сути, кобелина.

Хоть в сексе корифей и вроде исполина,
но только про тебя разносится слухок —
сверх меры плодовит, и, видимо, знаток
в рождении червя иль, может быть, павлина.

Пусть Вас не удивит мелькнувшая догадка...
Об отпрысках его бесперспективен спор:
беспечен наш герой и кончим тут сыр-бор —

влечение для него не повод, а повадка.
Вот потому рога даны ему, поверьте,
чтоб упираться и притом — до самой смерти.

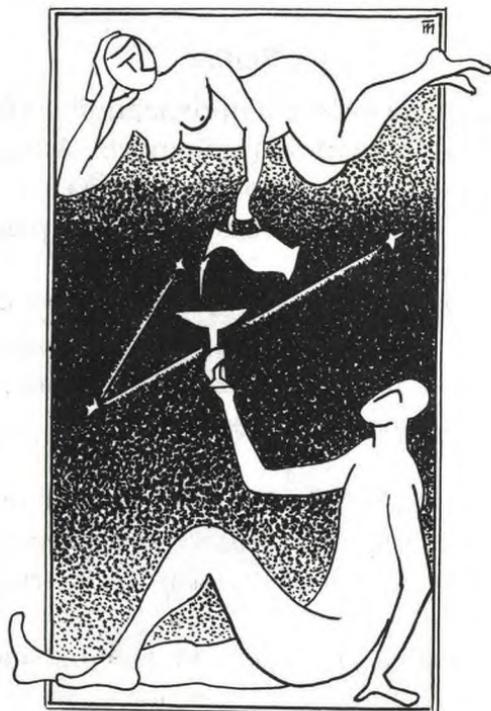
11. Водолей

Ах, Водолей, затейник, баловник,
плескание тебе не надоело?
Хотя ты прав: совсем не в этом дело —
ведь есть у каждого какой-то бзик.

Но стоп! Вернемся. Вот иссяк родник,
и жизнь в округе явно оскудела;
вот вновь забил — и радость без предела.
Все это ты. О, как же ты велик!

Другой пример — жестокости урок:
с горы спускаешь селевой поток
иль насылаешь прочие невзгоды,

не зная, что еще на ум взбредет...
С тобой немислим никакой расчет —
у моря также тщетно ждут погоды.

12. Рыбы

Под гладью вод, в прохладной глубине,
в подобье царства «щедрого» Аида,
неважно из какого ты подвида —
среди Рыб — со всеми будешь наравне.

Там дни проходят, словно в полусне,
хотя за флегмой жизнь другая скрыта:
пусть море, озеро, бассейн, корыто —
не доверяй подводной тишине!

Но хладнокровию есть свой предел
(когда пора приходит нереститься) —
кто б страсть за этим предсказать посмел,

что Рыба может без ума влюбиться...
Вокруг нее уже бурлит вода.
— К столу! Уха готова, господа.

ЛИЦОМ К ТВЕРДИ НЕБЕС

Постсоветское время сослужило роль сита, сквозь которое развеялось представление о всеобщей дружбе насельников соцстран. Собранные мастерами политики эти атеистические братства братствами так и не состоялись, потому что априори мыслились как воинственный клан духовно поврежденных людей. Но городами мертвых могут быть только подземные царства, пытаться расстраивать их по лицу земли дело такое же обреченное, как возводить Вавилонские башни.

И теперь земным пехотинцем во времена Звездных войн смотрится тот, кто прошел сквозь те десятилетия живым и верным себе.

Один из таких воинов — Бела Риго.

Это стремительный человек. Стремительный в движениях, памяти, в спектре своего творчества. А профессионал он как в поэзии, так и прозе, ему принадлежат литературоведческие труды и эссе, драматургические произведения и сценарии. В одной ипостаси он зоркий публицист, в другой — строгий редактор. И, кроме того, Бела Риго — Учитель.

С самого нежного возраста жизнь беспрестанно сталкивает нас с наставниками. Но даром учительства обладают из них единицы. И встреча с ними — добрый знак судьбы, потому что за таким учителем ты пойдешь, если и не по проторенной дороге, то по верной.

Бела Риго знает русскую культуру, как можно знать самого себя. Его способность видеть суть событий мистична. Но он трудно сговорчив, так как никогда «не пел в хоре». У него незачем брать интервью, потому что в разговоре он безоглядно раскрывает собеседнику свое видение сущего в подлунном и солнечном мирах. И находит слова, будто собирает букет на небесном поле (слова иностранные для него, русские). Они выразительны и точны как движение пальцев кружевниц, занятых своим мастерством. И хотя некто утверждал, что творчество и частная жизнь не всегда должны совпадать, в данном случае, ближе к цели другой поэтический диагноз: «как он слышит, так и пишет».

Часто до сих пор мы сталкиваемся с утверждением, что разным поколениям трудно понимать друг друга. И что это явление — нормальное. Можно долго толочь эту «воду в ступе», но является личность, и все эти «крепкие» теории становятся карточным построением, потому что одно дело — узкие лабиринты души, где и двоим-то не разойтись. А если душа — планета, то в стремлении найти себе равного по объему «легких» не может быть ссылок на возраст. И тут, выражаясь словами русского поэта, «ты можешь быть шутом, я императором, но мы можем дружить, если у нас равные души».

В наше время исправления ошибок и обретения новых голословно ниспровергать авторитеты — дело бездарное и суетное, ведь «поднявший меч

от меча и погибнет». Остается лишь тот, кто, никого не ниспровергая, со-
зидал, писал «как слышал».

Бела Риго — кальвинист, и потому образ суровости и простоты органичен в нем со стремлением к максимальной удаче. Ведь религиозный догмат абсолютного предопределения человеческой судьбы в его заземленной жизни — это высшая тайна, отблеск которой и косвенное свидетельство о будущей избранности можно уловить в профессиональных успехах на земле.

Бела Риго — Гулливер в ощущении себя, и он убедителен на этих позициях. Часто ложно эстетизирующие себя миссионеры приступают к освещению несомненных истин, внутренне не состоявшись. И тогда пересказ чужих откровений становится враждебней рьяного атеизма, потому что они пусты, отталкивают и возмущают.

Бела Риго из другого племени. То, о чем он говорит, — его мысли. То, что он знает, — его знания. То, что он любит или не признает, — объекты его чувств. И водовороты парадоксальных идей он умирляет сознанием, что нельзя угощать друг друга тайнами, как блюдом с едой, потому что такая «еда» всегда приправлена польньюю.

Незачем сетовать и на несовершенство мира. В век подделок, когда твой «визави» может казаться кем угодно, но только не тем, что открывает ему наедине зеркало, для того, чтобы улучшить этот мир, есть только один путь: начать с самого себя.

И с сознанием гражданской ответственности Бела Риго делает свою работу.

Наталья Алеева

КАК СТАТЬ ВЕЛИКИМ ПИСАТЕЛЕМ

(В поисках волшебного рецепта)

Когда-то мне казалось, что только Корней Иванович Чуковский и Валентин Дмитриевич Берестов, с которыми мне довелось встречаться, могут все: писать серьезные литературоведческие монографии и смешные стихи-«читалочки» для малышей, издавать уникальную автобиографическую прозу, остроумные сказки-притчи и делать блистательные переводы в стихах и прозе с нескольких языков, выступать с лекциями в престижном университете и читать друзьям по телефону поэтические философские миниатюры, появившиеся на свет несколько часов назад... Но знакомство с этим писателем убедило меня: и в венгерской литературе XX века беспашанно и независимо жил и вольно творил во всех жанрах, не заботясь о вечности, литератор универсальных возможностей и энциклопедического образования. Друзья нередко так отзываются о Беле Риго: «Он способен сделать все, что только можно написать пером».

Впервые я увидела его в редакции московского журнала «Детская литература». Высокий, смешливый, разговорчивый, он стремительно вошел в просторную комнату — в отдел русской литературы — и, казалось, сразу заполнил собой все редакционное пространство. На другой день я услышала его выступление в малом зале Центрального Дома литераторов — афористичное, оригинальное, краткое.

В мае 1988 года болгарский журнал «Дзети. Изкуство. Книга» собрал детских писателей и критиков на международную конференцию. «Мы больше никогда не встретимся в таком составе и по такому приятному поводу», — мрачновато шутил Бела Риго и, как показало время, оказался прав. А той беззаботной солнечной весной шестьдесят писателей из разных стран в течение семи дней путешествовали по разным городам Болгарии, задержавшись только в маленьком курортном Мичурине, где довелось три дня подряд делать и слушать доклады, давать интервью, встречаться с читателями. И в каждом новом городе болгарские журналисты обязательно обрушивались на Белу Риго. Он, улыбаясь, намекал, что еще пятьдесят девять человек явно обделены вниманием прессы. Ему, смеясь, неизменно отвечали, что коллеги из Софии уже сообщили, что на этой конференции Бела Риго — «самый умный»...

Мэр Мичурина вручил венгерскому писателю серебряную медаль — «За выдающиеся заслуги в европейской детской литературе». Но — увы! — серьезные писатели чаще всего равнодушны к официальным наградам: на торжественном банкете, устроенном отцами города, Бела Риго подарил заветную медаль миловидной соседке, с которой танцевал в тот вечер.

Он казался инопланетянином среди обычных детских писателей из СССР и социалистических стран с их осторожной идеологизированной лексикой и обязательными книжками про пионеров и октябрят. Насмеш-

ливая независимость проступала во всем: в манере поведения и свободе суждений, в россыпи афоризмов, которыми он одаривал случайных знакомых.

«У советской путешествующей дамы всегда много маленьких, глупых сумочек. Так и хочется подарить ей одну большую», — прокомментировал Бела Риго сцену отъезда советской делегации на Родину.

Беспомощный в быту, равнодушный к внешним эффектам, в дорогом, стильном, но всегда помятом пиджаке и сбившемся на бок галстуке, с седой, по-мальчишески взлохмаченной непослушной шевелюрой и острым, пронизательным взглядом умных глаз Бела Риго воплощает для меня тот вымирающий тип европейского писателя, который, наверное, навсегда остался в XX веке. Хотя еще в 1988 году именно он, в отличие от многих современников, предчувствовал огромные общественные перемены, верил в их разумность и ждал их. С романтической страстью защищал тогда Бела Риго горбачевскую перестройку от нападок наших недоверчивых соотечественников, радовался идеологическим переменам в СССР и без всяких унижительных комментариев посылал друзьям в Москву начала 90-х, в эпоху всеобщего дефицита, кусочки ароматного заморского мыла.

Не забывший голодное военное детство, сын учительницы и внук священника (уже в 1988 г. он первым начнет переводить «Детскую библию» с французского), Бела Риго по-рыцарски предан Литературе. Она стала той Прекрасной Дамой, которой он служит всю свою жизнь. Подобно Борису Пастернаку, выглянув из окна своей квартиры в Будапеште, так похожей на музей, Бела Риго мог бы спросить соседей: «Какое, милые, сегодня тысячелетие на дворе?» Глобальные перемены в Европе и в родной Венгрии не смогли заставить его изменить стиль жизни, оторваться от листа бумаги, бросить неприбыльный детский журнал «Кладоискатель».

...Знарок русской поэзии Бела Риго с его забавным акцентом казался юным участником рождественского фестиваля ДИМСИ в Вятке, загадочным эмигрантом, вернувшимся спустя годы в Россию. В тот поздний вечер он, казалось, тихо дремал в кресле тесного гостиничного номера. И вдруг композитор Александр Ермаков негромко заиграл на своем баяне «Чардаш» Монти. И через мгновение в углу комнаты чье-то огромное, гибкое тело отплясывало удивительный танец: залихватская удаль деревенского кавалера сменялась насмешливой театрализованной пародией элегантного венгерского горожанина на своего деревенского сваяка... А вокруг рассыпались искры смешинки и сверкающие блески неподдельного, самобытного таланта. Я всегда чувствую их в детских и взрослых стихах Белы Риго.

**Лола Звонарева,
доктор исторических наук**

СОДЕРЖАНИЕ

А. Ананичев. Венгерский поэт обращается в будущее

3

Городская сказка. *Перевод В. Лунина*

7

Речь знаков препинания. *Перевод В. Лунина*

8

Знаки зодиака. *Вольный перевод С. Телюка*

10

Н. Алеева. Лицом к тверди небес

34

Л. Звонарева. Как стать великим писателем
(В поисках волшебного рецепта)

36

УДК 8-1/-1

ББК 84(4)

Р 49

Риго Бела

Р 49 Знаки зодиака: Сборник стихотворений. Пер. с венг./Сост. С. Телюк. — М.: Интерконтакт-фонд, РИФ "РОЙ", 2002. — 40 с., ил.

Бела Риго (род. в 1942 г.) — известный венгерский писатель и переводчик. В России неоднократно публиковался в журналах: «Иностранная литература», «Литературная учеба», «Детская литература» и «Литературное обозрение». Это первая книга переводов его стихотворений на русский язык.

Р 4702010202
С69(03)-2002

ISBN 5-89956-153-X

Бела Риго

ЗНАКИ ЗОДИАКА

Сборник стихотворений

Компьютерная верстка *Ирина Чикина*

Интерконтакт-фонд

ООО Редакционно-издательская фирма (РИФ) «РОЙ».

Адрес редакции: Москва, Суцеская, 21.

ОАО «Молодая гвардия», 5 эт., офис 15-А.

Тел.: (095) 787-6224

ЛР № 061080

Подписано в печать 22.02.02.

Формат 60 г 90¹ / 16. Бумага офсетная № 1.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,5.

Тираж 400 экз. Заказ № 4.

Типография ООО фирма «Пандора-1».

107143, Москва, Открытое шоссе, д. 28

Бела Риго — известный
венгерский писатель
и переводчик.
В России неоднократно
публиковался в журналах:
«Иностранная литература»,
«Литературная учеба»,
«Детская литература»
и «Литературное обозрение».
Это первая книга переводов
его стихотворений
на русский язык.

